

Дьявол / рассказ

Category: Некаýалар, Кітарсу

написано кітарсу | 24 января, 2025

Дьявол / рассказ ДЬЯВОЛ

Крестьянин стоял перед доктором у постели умирающей. Старуха, затихшая, покорившаяся, ясным взором смотрела на мужчин и слушала их разговор. Она умирала и не противилась этому: ее время прошло, – ей было девяносто два года.

Июльское солнце вливалось в открытые окна и дверь; пламенные потоки его лучей падали на темный земляной пол, весь в буграх и впадинах, выбитых деревянными башмаками четырех крестьянских поколений. В дуновениях жаркого ветра сюда долетали запахи полей, запахи трав, хлебов, листвы, палимых полуденным зноем. Звонко трещали кузнечики, и все вокруг было полно их отчетливого стрекотания, напоминавшего звук деревянных трещоток, которые продают на ярмарках ребятишкам.

Доктор, повысив голос, сказал:

– Оноре, нельзя оставлять вашу матушку одну когда она в таком состоянии. С минуты на минуту она может умереть.

Но огорченный крестьянин твердил свое:

– А пшеницу-то нужно мне свести? Уж больно она долго лежит в поле. Да и погода подходящая. Как по-твоему, матушка?

Умирающая, все еще во власти нормандской скупости, взглядом и выражением лица ответила «да», – пусть сын возит пшеницу и оставит ее умирать в одиночестве.

Но доктор рассердился и топнул ногой:

– Знаете, вы просто скотина! Я не позволю вам делать это! И если уж необходимо свезти пшеницу именно сегодня, так пойдите, черт побери, за теткой Рапе, пусть она побудет с вашей матерью! Я, знаете, требую этого! А не послушаетесь, так я вас, знаете, оставлю подыхать, как собаку, когда вы сами заболаете!

Крестьянин, тощий верзила, медлительный в движениях, мучимый нерешительностью, животной страстью к скопидомству и боязнью перед доктором, колебался, высчитывал и наконец пробормотал:

– Сколько же берет тетка Рапе, чтобы присмотреть?

– А я почему знаю? – закричал доктор. – Смотри на какое время вы ее позовете. Сговоритесь с ней, черт возьми! Но я, знаете, требую, чтобы она была здесь через час!

Крестьянин решился.

– Иду, иду; зря гневаетесь, господин доктор.

И врач ушел, прибавив:

– То-то, берегитесь; не до шуток будет, когда я рассержусь!

Когда он вышел, крестьянин повернулся к матери и покорно сказал:

– Пойду за теткой Рапе, раз уж он требует. Потерпи, покуда вернусь.

И тоже ушел.

Тетка Рапе, старуха-гладильщица, нанималась, кроме того, дежурить при покойниках и умирающих как в своей деревне, так и во всей округе. Но, зашив этих своих заказчиков в саван, из которого им уже не суждено было выбраться, она опять хваталась за утюг, чтобы гладить белье для живых. Сморщенная, как прошлогоднее яблоко, злая, привередливая, на редкость жадная и до того сгорбленная, что, казалось, от постоянного глажения полотна ее крестец переломился, она, как говорили, питала особенную, чудовищную и мерзкую страсть к зрелищу предсмертной агонии. Она вечно толковала о людях, умерших на ее глазах, о всевозможных случаях смерти, при которых ей приходилось присутствовать, и, рассказывая, старалась изложить дело во всех подробностях, всегда одних и тех же, – точь-в-точь как охотник, рассказывающий о своих охотничьих приключениях.

Войдя к ней, Оноре Бонтан застал ее за разведением синьки для воротничков крестьянок.

– Добрый вечер, тетушка Рапе, – сказал он. – Ну, как дела?

Она обернулась к нему.

– Помаленьку, помаленьку. А у вас как?

– У меня-то все в порядке, только вот с матушкой плохо.

– С матушкой?

– Да.

– Что же с ней такое?

– Пришло время помирать.

Старуха вынула руки из воды; синеватые прозрачные капли стекали по ее пальцам, падая в корыто. С внезапным участием она спросила:

– Совсем плохо ей?

– Доктор говорит, что и дня не протянет.

– Ну, значит, плохо.

Оноре был в затруднении. Следовало повести разговор издалека, прежде чем приступить к делу, с которым он пришел. Но он ничего не мог придумать и сразу спросил:

– Сколько вы возьмете с меня, чтобы присмотреть за ней до конца? Мы ведь небогатые, сами знаете. И работницу не на что нанять. Оттого моя матушка и свалилась, что работала вовсю и уж очень уставала! За десятерых работала, хоть ей и девяносто два года. Старики работать умели!..

Тетка Рапе степенно ответила:

– У меня две цены: сорок су за день и три франка за ночь – это для богатых. Ну, а для прочих – двадцать су за день и сорок за ночь. С вас возьму двадцать и сорок.

Но крестьянин раздумывал. Он хорошо знал свою мать. Знал, какая она живучая, выносливая, крепкая. Она могла протянуть еще целую неделю, что бы там ни толковал доктор.

И он нерешительно сказал:

– Нет, уж лучше бы вы взяли с меня цену сразу за все, до самого конца. Так, чтобы с обеих сторон риск был. Доктор говорит, что она скоро уберется. Если так, вам будет выгода, а мне убыток. Ну, а если она протянет до завтра или еще дольше, – моя выгода, а убыток для вас.

Сиделка с удивлением смотрела на него. Никогда еще ей не предлагали таких условий – сдельную плату. Она колебалась, прельщенная возможностью оказаться в барыше. Но потом заподозрила, что ее хотят надуть.

– Ничего не могу сказать, пока сама не увижу вашу матушку, – ответила она.

– Так пойдемте посмотрим.

Она вытерла руки и тотчас же отправилась с ним.

По дороге они не разговаривали. Она торопливо семенила, а он

делал огромные шаги, словно каждую минуту собирался переступить через ручей.

Истомленные зноем коровы, лежавшие в поле, тяжело поднимали головы в сторону проходивших людей и слабо мычали, как бы выпрашивая свежей травы.

Подходя к дому, Оноре Бонтан пробормотал:

– А что, если все уже кончилось?

И бессознательное желание этого проявилось в самом звуке его голоса.

Но старуха и не собиралась умирать. Она по-прежнему лежала на спине, на своей убогой кровати, под лиловым ситцевым одеялом, сложив поверх него руки, – ужасающе худые, узловатые руки, походившие на странных животных, на каких-то крабов, скрюченные ревматизмом, усталостью и почти столетней работой, которую они выполняли.

Тетка Рапе подошла к кровати и принялась разглядывать умирающую. Она пощупала ей пульс, потрогала грудь, прислушалась к дыханию, задала ей вопрос, чтобы услышать ее голос, и долго еще присматривалась к ней, после чего вышла вместе с Оноре. Дело казалось ей ясным: старуха не переживет и ночи. Оноре спросил:

– Ну, что?

Сиделка ответила:

– А то, что она протянет еще дня два, а может, и три. Давайте мне шесть франков за все.

– Шесть франков! Шесть франков! – закричал он. – Да вы свихнулись? Говорю вам, что ей жить пять – шесть часов, не больше!

Они долго, с остервенением спорили. И так как сиделка хотела уйти, а время шло, а пшеница сама не могла сняться с места, то в конце концов он согласился.

– Ну, ладно, идет – шесть франков за все до выноса тела.

– Ладно, шесть франков.

И он, широко шагая, отправился к своей сжатой пшенице, лежавшей на земле под палящими лучами солнца.

Сиделка вошла в дом. Она принесла с собой работу, потому что возле умирающих и покойников все равно работала, не

переставая, то для самой себя, то для нанявшей ее семьи, которая платила ей за это особо.

Вдруг она спросила:

– Вас хоть напутствовали, матушка Бонтан?

Крестьянка отрицательно мотнула головой, и святоша Рапе живо вскочил с места.

– Господи боже, да разве это возможно! Я позову господина кюре.

И она побежала к дому священника с такой быстротой что мальчишки на площади, увидев, как она мчится, решили, что случилось какое-нибудь несчастье.

Священник облачился в стихарь и отправился в путь, предшествуемый мальчиком, который звонил в колокольчик, возвещая о шествии божества по спокойной и знойной равнине. Мужчины, работавшие вдали от дороги, снимали свои большие шляпы и стояли неподвижно, ожидая, пока белое одеяние исчезнет за какой-нибудь фермой; женщины, вязавшие снопы, выпрямлялись, чтобы перекреститься; черные куры в смятении бежали, переваливаясь, вдоль канав до какой-нибудь хорошо им знакомой дыры в изгороди, куда они внезапно исчезали; жеребенок, привязанный на лугу, испугался при виде стихаря и стал кружить на веревке и брыкаться. Мальчик-служка в красном облачении шел быстрым шагом; священник в четырехугольной шапочке следовал за ним, склонив голову и шепча молитвы, а тетка Рапе тащилась позади, перегнувшись в три погибели, словно припадая к земле, и сложив руки, как в церкви.

Оноре видел издали, как они проходили.

– Куда это идет наш кюре? – спросил он.

Его работник, более сообразительный, ответил:

– Побожусь, что он – с причастием к твоей матери!

Крестьянин не удивился.

– Пожалуй, что и так.

И снова принялся за работу.

Старуха Бонтан исповедалась, получила отпущение грехов, причастилась, и священник отправился обратно, оставив женщин вдвоем в душной хижине.

Тогда тетка Рапе принялась разглядывать умирающую, соображая,

долго ли протянется дело.

Наступал вечер; резкие дуновения посвежевшего воздуха шевелили на стене лубочную картинку, прикрепленную двумя булавками; небольшие занавески на окне, когда-то белые, а теперь пожелтевшие и засиженные мухами, точно хотели улететь, сорваться, исчезнуть вместе с душой старухи.

Она лежала неподвижно, открыв глаза, и, казалось, равнодушно ожидала смерти, такой близкой, но медлившей с приходом. Короткое дыхание вырывалось с легким свистом из ее сдавленной груди. Скоро это дыхание остановится совсем, и на земле станет одной женщиной меньше, и никто о ней не будет жалеть.

Когда стемнело, вернулся Оноре. Подойдя к постели, он увидел, что мать еще жива, и спросил: «Ну, что?» – как обычно спрашивал раньше, когда ей нездоровилось.

Потом он отпустил тетку Рапе, напомнив ей:

– Так завтра в пять, не опаздывайте.

Она подтвердила:

– Завтра в пять.

И действительно, она пришла на рассвете. Перед уходом в поле Оноре ел суп, приготовленный им самим.

Сиделка спросила:

– Ну, как, отошла?

Он ответил с лукавой усмешкой в глазах:

– Пожалуй, ей даже полегчало.

И ушел.

Тетка Рапе забеспокоилась и подошла к умирающей: та была в прежнем положении. Она лежала бесстрастно, с открытыми глазами, тяжело дыша, сложив на одеяле сведенные руки.

Сиделка поняла, что так может протянуться и два дня, и четыре, и целую неделю; сердце этой скряги сжалось от ужаса, и в ней закипела яростная злоба против хитреца, который ее надул, и против старухи, которая не умирает.

Но она все-таки принялась за работу и стала ждать, устремив пристальный взгляд на сморщенное лицо матушки Бонтан.

Оноре вернулся позавтракать и казался довольным, почти веселым, потом ушел снова. С перевозкой пшеницы дела шло как нельзя лучше!

Тетка Рапе выходила из себя; каждая лишняя минута казалась ей теперь украденным у нее временем, украденными деньгами. Ее обуяло желание, сумасшедшее желание схватить эту старую клячу, эту старую ослицу, эту старую упрямую тварь за горло, слегка сжать его и остановить короткое быстрое дыхание, из-за которого она теряет время и деньги.

Но она подумала, что это опасно, и в голове у нее возник новый замысел.

– А что, вы уже видели дьявола? – спросила она, подойдя к кровати.

Старуха Бонтан прошептала:

– Нет.

Тогда сиделка пустилась болтать и рассказывать всякие небылицы, чтобы напугать умирающую, сознание которой ослабевало.

Дьявол появляется, по ее словам, всем умирающим за несколько минут до смерти. В руке у него метла, на голове котел, и он издает ужасные крики. Если вы его увидели, значит, дело кончено, жить осталось какой-нибудь миг. И она перечислила всех, кому дьявол являлся при ней в этом году, – Жозефену Луазель, Эвлали Ратье, Софи Паданьо, Серафиме Гропье.

Старуха Бонтан наконец забеспокоилась, зашевелилась, задвигала руками, стараясь так повернуть голову, чтобы видеть всю комнату.

Внезапно тетка Рапе исчезла в ногах кровати. Она достала из шкафа простыню и завернулась в нее; на голову надела котелок с тремя короткими согнутыми ножками, которые торчали, как рога; правой рукой схватила метлу, а левой – жестяное ведро и вдруг подбросила его вверх, чтобы оно, упав, загремело.

Ведро с грохотом ударилось об пол. Тогда сиделка вскочила на стул, приподняла занавеску, висевшую в ногах кровати, и, размахивая руками, грозя метлой, издавая пронзительные крики из-под котелка, закрывавшего ей лицо, предстала чуть живой старухе, словно черт из балагана.

Умирающая, с обезумевшим взглядом, вне себя, сделала сверхчеловеческое усилие, чтобы подняться и бежать; ее плачи и спина уже отделились от постели; но затем она снова упала,

глубоко вздохнув. Это был конец.

И тетка Рапе спокойно водворила все по своим местам: метлу в угол возле шкафа, простыню в шкаф, котелок на очаг, ведро на полку, стул к стене. Потом профессиональным жестом закрыла выкатившиеся глаза умершей, поставила на постель тарелку, налила в нее святую воду, окунула туда веточку букса, висевшую над комодом, и, став на колени, с жаром принялась читать заупокойные молитвы, которые она благодаря своему ремеслу знала наизусть.

Когда Оноре вечером вернулся домой, он застал ее за молитвой и тотчас подсчитал, что она обставила его на двадцать су: ведь она провела здесь всего три дня и одну ночь, за что полагалось пять франков, а вовсе не шесть, которые он должен был ей уплатить.

* * *

Напечатано в «Голуа» 5 августа 1886 года.

Ги де Мопассан. Собрание сочинений в 10 тт. Том 6. МП «Аурика», 1994

Перевод К.Локса. НекауаӀар